

Принцип относительности

© 2009 Н.К. Сагадиев
директор ТОО “ILS edutainment”, Алматы, Казахстан

В статье рассматриваются методологические аспекты теории стоимости. Исходя из анализа предшествующих дискуссий, выносятся на рассмотрение принцип относительности. Согласно указанному принципу товары не могут быть непосредственно сопоставимы друг с другом ни на основе затрат труда, ни на основе их предельной полезности. Делается вывод о рефлексивном характере стоимости.

Ключевые слова: трудовая теория стоимости, теория предельной полезности, закон тождества, принцип относительности.

Если покопаться в истории науки, то, очевидно, можно обнаружить дискуссии, которые велись продолжительное время и представляли оживленный интерес, однако были оставлены без окончательного вердикта для науки. Две такие дискуссии происходили в экономической среде. Первая касалась проблемы, известной в науке как проблема редукции. Экономисты задавались вопросом: как можно, как минимум теоретически, свести разнообразные виды труда к единому, абстрактному труду?

На возможности подобной редукции было воздвигнуто здание марксистской науки. Из нее вытекают все последующие положения теории. Потому, безусловно, важным было рационально обосновать исходное положение науки, дать исключающий сомнения ответ на вопрос: насколько принимаемая абстракция является “практически истинной”? Необходимый консенсус в дискуссии не был достигнут. Тем не менее, идея продолжает сохранять свой статус-кво в качестве научной гипотезы.

Другая дискуссия, хотя и отстоит от первой, была вызвана к жизни теми же методологическими установками. Она касалась проблемы соизмерения полезности благ. Кардиналисты утверждали, что полезность благ может быть выражена абсолютно. Ординалисты полагали, что блага могут иметь лишь сравнительную полезность. Сегодня кажется очевидным, что возобладали точка зрения ординалистской полезности. Идея соизмерения полезности благ получила широкое распространение в форме математического аппарата кривых безразличий. Однако аксиомы, на которых строится гипотеза о непосредственной ранжируемости товаров, не столь очевидны, чтобы не вызывать вопросов. Скорее, за отсутствием иной приемлемой альтернативы теория благополучно перекечевала в университетские учебники и стала своеобразным стандартом официальной науки. Но будет, вероятно, преждевременным утверждать, что теоретичес-

кий спор был однозначно разрешен в пользу ординализма.

Мы объединяем указанные дискуссии, поскольку они были обусловлены одним и тем же принципом мышления. В методологическом аспекте они представляли собою попытку свести зримое многообразие вещей к тождеству одинаковых сущностей. Чтобы сравнивать разрозненные вещи, необходимо привести их к единой мере. Безусловно, что данная мера должна выступать неким абстрактным свойством самих вещей, раз мы непосредственно сравниваем их. Тем самым требовалось привести некую абстрактную сущность в качестве свойства самих вещей, хотя в самой абстракции она не была представлена в явном виде.

На языке философии принцип мышления именуется формально-логическим тождеством $A=A$. Начиная со школьной скамьи нам внушают формулу: скорость равна скорости, площадь равна площади, энергия равна энергии и т.д. Мы отождествляем идентичные сущности. По сути, на том же фундаменте было воздвигнуто здание экономической науки. В ней существуют две конкурирующие концепции стоимости: трудовая теория стоимости и теория субъективной полезности. Обе концепции основываются на методологическом принципе $A=A$. В первом случае отождествляются затраты труда, во втором случае - субъективная полезность товаров. Поскольку отождествление производится на основе некой одной сущности, постольку вполне естественно, что указанные две концепции стоимости взаимно исключают друг друга и составляют непримиримые полюса одной науки.

Обратимся к указанным дискуссиям с целью попытаться обосновать принцип относительности. Применительно к предмету дискуссий он состоит в следующем: если один товар продается за 5 шиллингов и другой товар продается за 5 шиллингов, то отсюда не следует, что затраты труда на производства одного товара и затраты

труда на производство другого товара одинаковы, тождественны друг другу. Принцип относительности заключается также и в том, что если покупатель платит за один товар 5 шиллингов и за другой товар платит 5 шиллингов, то данное обстоятельство не означает, что предельная полезность одного товара равна предельной полезности другого товара. Принцип относительности в общем случае исключает наличие в товарах предельной, абстрактной сущности, позволяющей непосредственно приравнять товары друг к другу.

Как мы видим, принцип относительности находится в прямом противоречии с тем, что было принято наукой. Если два товара обладают равной стоимостью или обмениваются на одно и то же количество денег, то было принято считать, что они содержат нечто одинаковое, количественно равное. Именно против данного пункта направлен принцип относительности. Он выступает альтернативой закону тождества $A=A$. Соответственно, он находится в иной плоскости по отношению к исходным постулатам науки. Поэтому возникает ощущение несуразности принципа на общем фоне науки. Попробуем провести некоторую аналогию на примере физики.

Если свет проходит одно расстояние за 5 с и другое расстояние проходит за 5 с, то данное обстоятельство не означает, что сами расстояния равны друг другу. Принцип относительности запрещает нам непосредственно сравнивать расстояния друг с другом. Иначе мы возвращаемся в механику И. Ньютона. В механике Ньютона пространство и время обладали статусом абсолюта. Расстояния и течение времени не зависели от протекающих в них физических процессов. Они были статичными характеристиками, находящимися вне зависимости от позиции наблюдателя и наблюдаемых им процессов. Потому становилось возможным непосредственно приравнять друг к другу как расстояния, так и отдельные промежутки времени.

А. Эйнштейн, как известно, перевернул данное представление. Пространство и время стали относительными. Мы не можем непосредственно оперировать расстояниями и временем, как это было позволительно в механике Ньютона. Расстояния и время стали величинами, зависимыми от скорости перемещаемых объектов. И хотя релятивистские эффекты дают о себе ощутимо знать при больших скоростях, логические основы науки были пересмотрены.

В повседневной жизни мы привыкли к закону тождества. Мы сравниваем расстояния друг с другом, ничуть не задумываясь над принципом относительности. В экономической науке, в

особенности в той ее части, которая относится к практическим нуждам общества (финансовый менеджмент или маркетинг), нам, думается, было бы нелегко жить без закона тождества. Однако если мы хотим строго обосновать логические посылы науки, то сделать это на базе закона тождества будет, пожалуй, невозможно.

В физике открытию принципа относительности способствовал эксперимент. В нашем случае к принципу относительности мы можем прийти лишь логическим путем. Не вызывает сомнений тот факт, что принцип относительности напрямую следует из анализа закона стоимости К. Маркса. Если мы освободим трудовую теорию стоимости от логических оков, на которых она была воздвигнута, то выводом станет принцип относительности, который нами попросту обобщен и на случай с конкурирующей теорией субъективной полезности. Попробуем осуществить еще одно прочтение “Капитала”. Единственное, что может как-то обнадеживать нас на нашем пути, состоит в том, что на базе закона тождества не было до сих пор достигнуто удовлетворительного консенсуса в теории стоимости.

Маркс в анализе товара различает потребительную стоимость и меновую стоимость: “Полезность вещи делает ее потребительной стоимостью. Но эта полезность не висит в воздухе. Обусловленная свойствами товарного тела, она не существует вне этого последнего. Поэтому товарное тело ... само есть потребительная стоимость, или благо”¹. Как мы видим, Маркс отождествляет содержание товара как предмета потребления с вещественной основой товара. Зачастую первые суждения служат предпосылкой последующих выводов. Нам следует обратить внимание на исходный пункт его суждений. Поскольку в дальнейшем, когда Маркс говорит, что отвлекается от потребительной стоимости товаров, имея в виду, главным образом, их телесные свойства, оказывается, что вместе с этим абстрагированием, по существу, утрачивается та сторона товаров, которая характеризует их как предметы потребления. К примеру, Маркс пишет: “Если отвлечься от потребительной стоимости товарных тел, то у них остается лишь *одно* (курсив наш. - С.Н.) свойство, а именно то, что они - продукты труда”².

Но товар как “продукт труда” и товар как “предмет потребления” - равнозначные содержания товара. Более того, в этих своих свойствах товар существует в разных субъектах. Если для одного товар выступает воплощением его затрат труда, то в качестве предмета потребления

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 44.

² Там же. С. 46.

он является потребностью другого. На базе последнего свойства была развита конкурирующая теория стоимости. Потому заведомо уже здесь встает вопрос: в какой мере в меновом отношении товаров мы можем абстрагироваться от их функции как предметов потребления?

Товар как качество есть две формы наличного бытия - потребление и труд. Но товаром это качество становится не в силу того, что оно есть "продукт труда", так же как и не в силу того, что оно есть "предмет потребления", а лишь посредством раздвоения этого качества товара в относительно независимых друг от друга субъектах так, что разные субъекты представляют вместе с тем разные субстанции товара-качества. Благодаря этому обе стороны качества лишь вместе составляют его общественное бытие как товара. И хотя Маркс достаточно часто оперирует определением товаров как предметов потребления, тем не менее, он опускает эту сторону товаров, когда дело касается их общественного отношения. "То *общее* (курсив наш. - С.Н.), что выражается в меновом отношении, или меновой стоимости товаров, и есть их стоимость"³.

Здесь Маркс использует закон формального тождества, согласно которому два товара равны, если у них есть нечто общее, качественно однородное, что делает их соизмеримыми количественно. Это есть тождество, основанное на абстрагировании от различия. Или, как говорит "старик" Гегель, "скорее, абстракция и есть полагание этого формального тождества"⁴. Не случайно Маркс ссылается на Аристотеля, хотя в методологическом плане закон формального тождества был уже подвергнут критике со стороны Гегеля.

Стоимость одного товара равна стоимости другого. Или, если мы опустим товарные тела, которые фигурируют в концепции Маркса лишь как представители стоимости, то получим искоμую формулу: стоимость равна стоимости. Уже этим, без дальнейших определений того, что мы вкладываем в содержание этой стоимости, мы высказываем формально-логический закон: $A=A$. Маркс исходит из равенства товаров, "чтобы напасть на след скрывающейся в них стоимости". Потому делаемый на основании этого вывод, будто товары равны, поскольку они суть стоимости, является пустой тавтологией, поскольку в определении стоимости это равенство содержится как предпосылка, но не как результат, не как следствие движения самой стоимости.

Формализм закона стоимости Маркса прежде обусловлен не столько тем специфическим

содержанием (затрат труда, общественно необходимого рабочего времени), которое вкладывается им в понятие стоимости, сколько самой *формой* доказательства закона. Для этого рассмотрим вкратце форму доказательства, или ту логическую цепь построений, которая используется Марксом в обосновании своего закона.

Вначале из *обосновываемого* им равенства товаров Маркс приходит к выводу, что они должны обладать нечто "общим", на *основании* которого они могут быть равны. Далее, "общее" наполняется определенным содержанием (затраты труда, рабочее время). Наконец, поскольку "общее" найдено, оно тем самым автоматически становится таким основанием, обосновывающим равенство товаров, и, как следствие всего, стоимостью товарных тел. Именно против подобного формального способа доказательства выступал Гегель⁵.

Прежде следует сказать, что содержание, которым наполняется "общее", в обосновании равенства не играет никакой роли. Вся его роль сводится к тому, чтобы быть "общим". Равенство товаров доказывается не в силу своего особого содержания, но лишь потому, что данное содержание является "общим".

Здесь важен сам методологический принцип равенства. Мы спрашиваем: почему данное содержание является основанием равенства товаров? И в качестве ответа находим, что оно есть "общее" свойство товаров. И поскольку оно "общее", оно тем самым делает товары равными. И уже как следствие всего оно - стоимость.

Таким образом, стоимость, в которой мы временно опустили то специфическое содержание, которым наполняет ее Маркс, рассматриваемая исключительно методологически, есть лишь "общее" свойство товаров, делающее их равными. Утверждение, что "товары равны на основании их общего свойства", есть та парадигма, которая господствовала в экономическом мышлении со времен Аристотеля. Именно эту парадигму мы пытаемся оспорить.

Для Маркса "общим" свойством товаров служат затраты труда. Потому в самом меновом отношении товаров к ним приравниваются последние. Безусловно, что в сравнении количества

⁵ "А именно, главная задача этой рефлексии состоит в том, чтобы из наличного бытия найти основания, т.е. превратить непосредственное наличное бытие в форму рефлексированности: основание, вместо того, чтобы быть в себе и для себя и самостоятельным, оказывается тем самым скорее чем-то положенным и производным. А так как оно посредством такого способа объяснения прилагивается к явлению, и его определения основываются на последнем, то последнее, конечно, совершенно гладко и по попутному ветру вытекает из своего основания" (Гегель. Соч. М., 1937. Т. 5. С. 545-546).

³ Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. С. 47.

⁴ Гегель. Энциклопедия философских наук. М., 1975. Т. 1. С. 269.

труда, затрачиваемого на производство товаров, есть некий смысл. Но в своем непосредственном значении, в прямом приравнивании затрат труда затратам процедура абстрактного отождествления не говорит нам о том, почему именно должно выполняться это равенство на практике.

Затраты равны затратам - это есть та тавтология как следствие формального основания равенства $A=A$. Что означает данное равенство? Какой в нем экономический смысл? Не говоря о том, почему равенство товаров должно быть основано на равенстве затрат труда, мы не знаем также и того, каким образом могут быть равны сами затраты.

Хотя, казалось бы, содержание равенства найдено, само содержание оказывается чем-то *безразличным* к обосновываемому им равенству⁶. Под первоначальное, еще формальное основание, каковым является “общее” свойство товаров, подводится некое реальное содержание - затраты, - которое непосредственно не дано в обосновываемом равенстве. Тем самым если в формальном основании основание и обосновываемое суть тождественны, то во втором случае, называемом Гегелем реальным основанием, мы имеем уже некую разность основания и обосновываемого. Ближайшим следствием этой разности является то, что получаемое в результате реальное основание характеризуется своим безразличием к обосновываемому равенству, что обуславливается самой разностью содержаний того и другого. “Вследствие этой разности, - пишет Гегель, - содержания основания или, собственно говоря, основы и того, что связано с нею в обоснованном, указание реальных оснований становится, следовательно, таким же формализмом, как и формальное основание”⁷.

Безразличие реального основания к обосновываемому им равенству обнажится в большей мере, если в качестве подобной основы привести некое другое содержание. Так, согласно гипотезе субъективной школы товары могут быть соизмерены на основании их предельной полезности. Последняя столь же хорошо удовлетворяет требуемому формализму стоимости. Если подойти к вопросу тождества товаров с тем же формализмом, требуя от них лишь количественной сопоставимости, то и понятие предельной полезности блага также “совершенно гладко и попутному ветру” обосновывает необходимое равенство.

⁶ “... Когда спрашивают об основании, то в качестве основания требуют, собственно говоря, некоторого другого определения содержания, чем то, об основании которого спрашивают. Это соотношение определяет себя далее. А именно, поскольку две его стороны представляют собою разное содержание, они безразличны друг к другу” (Гегель. Соч. М., 1937. Т. 5. С. 548-549).

⁷ Там же. С. 552.

Здесь важно подчеркнуть безразличие реального основания к своему обосновываемому, простирающемуся из разности содержаний. Какую бы основу мы ни выбрали, ни одно из них не обосновывает равенства товаров. Они доказывают его лишь в той мере, в которой подходят под формализм основания, из которого в свою очередь исходят. Не само специфическое содержание, каковым являются, к примеру, затраты труда, доказывает равенство товаров, а напротив, равенство продолжает обосновывать свою абстрактную основу. Потому содержание “выхолащивается” с тем, чтобы отвечать принятому формализму.

Таким образом, содержание равенства ничего не доказывает в самом равенстве. Какое бы “общее” свойство товаров мы ни взяли, оно исключает любое другое “общее” в качестве подобной основы. Равенство товаров в одном деле не делает неравными их в другом. Равенство, к примеру, затрат труда исключает в общем случае равенство товаров на основе их предельной полезности. И наоборот, равенство товаров на основе предельной полезности исключает их равенство как затрат труда. Но поскольку обмен товаров, тем не менее, совершается, то должны быть, вероятно, иные основания, нежели те, которые предъявляет к теории формальная логика.

Если проследить историю “маржиналистской революции”, то вся она проникнута стремлением к достижению того же формального тождества $A=A$. Она начиналась с попытки выявить соотношение товаров на основе единой меры полезности. Поскольку решить задачу прямым способом не представлялось возможным, постольку был изыскан обходной путь. Он состоит в построении кривых безразличия. Каждая точка такой кривой фактически означает равенство полезности определенного количества одного блага полезности определенного количества другого блага.

Согласно гипотезе ординалистов ни один товар не является эталоном полезности, поскольку его полезность не может быть выражена абсолютно. Полезность любого товара определяется посредством количественного сопоставления с миром других товаров. Если же данная процедура верна, то фактически она равнозначна абсолютному пониманию полезности кардиналистов. Если покупатель в состоянии осуществить ранжирование полезности для двух произвольных товаров и вывести на основе этого количественные пропорции, в которых соотношение полезностей будет представляться безразличным для покупателя, то тем самым оказывается, что любой товар играет роль эталона полезности.

Вместо абсолютной меры полезности мы получили бесчисленное множество мер полезно-

сти. Любой произвольно выбранный товар может служить в качестве эталона полезности для всех других товаров. Такая мысль представляется несколько абсурдной. Однако если быть последовательным в реализации предложенных принципов, то именно такой вывод напрямую следует из аксиом ранжируемости товаров. Поэтому насколько неочевидной кажется мысль о том, что любой товар может служить эталоном полезности, настолько неочевидным являются аксиомы о порядковой полезности вещей.

Но, как бы то ни было, теория полезности достигла поставленной цели. Принцип абстрактного отождествления несколько не был нарушен. Тождество продолжает быть тождеством абстрактных сущностей. Теория остается безупречной с точки зрения формальной логики. Недоумение может вызвать лишь один вопрос: как все это соотносится с реальностью? Как и в случае с прямым сопоставлением затрат труда, она не приводит нас к ощущению подлинной реальности.

По-прежнему обращаем внимание на формальную сторону дела. Из *предположения*, что товары равны на основе некоей предельной сущности, выводится *положение*, что данная сущность является основанием их равенства. Но такое обратное заключение в строгом смысле невозможно. Чтобы оно стало возможным, необходимо показать, каким образом найденная сущность приводит к действительному равенству товаров. А для этого аксиоматики формальной логики недостаточно. Необходимо живое обращение к предмету реальности.

В данной связи хотелось бы вновь вернуться к одному исходному пункту в рассуждениях Маркса: “Если отвлечься от потребительной стоимости товарных тел, то у них остается лишь одно свойство, а именно то, что они - продукты труда”. Если мы примем во внимание, что Маркс отождествляет полезность или потребительную стоимость товара с его телесной основой, то, соответственно, абстракция, или отвлечение, от потребительной стоимости товарного тела будет фактически означать абстракцию от самого товара. Такое имеет место быть в действительности, поскольку товар производится с целью отчуждения. Товар производится не для собственного употребления, а с целью его продажи. Соответственно, у производителя товара остаются затраты труда, которые он понес и которые он, безусловно, желает возместить. Тем самым для производителя товар становится “продуктом труда” на деле. Не только потому, что он его произвел, но и, главным образом, потому, что он служит ему лишь средством, возмещающим его собственные затраты труда.

Товарные отношения основываются на том, что товар как продукт труда и товар как предмет потребления существуют в разных субъектах. Соответственно, абстракция, о которой говорит Маркс, имеет место в реальности. Однако такое происходит не в силу соответствия формальному тождеству товаров, а обуславливается наличием реальной потребности производителей в возмещении понесенных затрат труда. Затраты не возмещаются затратами. Это очевидный нонсенс, следствие пустого формализма теории. Затраты возмещаются потреблением благ. Собственно, по отношению к необходимости в возмещении труд в обществе выступает в абстракции затрат труда.

Когда мы говорим “затраты труда”, то тем самым абстрагируемся в нашем сознании от конкретной формы затрат. Но затрат труда вообще, вне конкретной формы труда, нет. Они есть в каждой обособленной форме труда. Вместе с тем всякий труд *предполагает* возмещение затрат труда так, что самой необходимостью в возмещении он *положен* как затраты. Затратами труд является лишь в отношении к своей противоположности, служащей *основанием* его собственной деятельности.

Затраты и возмещение - это парные категории. Одно предполагает другое. Их непосредственное бытие есть труд и потребление. Но эти процессы взаимосвязаны в обществе, опосредованы друг другом, существуют друг относительно друга. Одно обусловлено другим. Потому оно выражает эту свою обусловленность в форме стоимости. Чтобы труд мог осуществлять свою деятельность, он нуждается в возмещении своей деятельности. Это, в общем-то, очевидная мысль, однако она радикально изменяет расклад в нашем представлении о стоимости.

Каждый агент общественного производства, произведя те или иные товары, рассчитывает на возмещение своих затрат. Возмещение затрат труда происходит посредством другого процесса - посредством потребления благ. Соответственно, то, чего стоит труд в обществе, есть блага, которые требуются для поддержания его деятельности. Труд стоит тех благ, которые необходимы ему для возмещения понесенных затрат труда. Потому он выражает свою стоимость в форме своей противоположности - в объеме потребления, необходимом для его воспроизводства в обществе.

В процессе возмещения затрат труда, как правило, не принимает участия тот продукт, который явился непосредственным результатом труда. Здесь мы имеем дело с абстракцией, которая происходит в практическом мире. Если бы

мы жили подобно Робинзону Крузо и каждый создавал блага лишь для собственного употребления, то возмещение затрат происходило бы из конкретного характера самой деятельности. Но в обществе товаропроизводителей труд каждого возмещается благами других производителей. Его интерес как покупателя направлен в сторону ценностей, создаваемых другими. Потому в этом отношении к своей противоположности - к потреблению благ других производителей - труд в качестве затрат труда, т.е. в абстракции от собственной деятельности, выступает практически истиной.

Процедура абстракции от товарного тела, которую мы повторили вслед за Марксом, подводит нас к мысли о том, что за стоимостью товарного тела скрываются не затраты труда, как считал Маркс, а стоимость труда - та стоимость, которую предстояло найти и открыть. Как таковая она не есть затраты труда, но есть требование, состоящее в необходимости возмещения понесенных затрат труда. Иными словами, не товар стоит затрат труда, как следует из доктрины Маркса, а труд выражает свою стоимость посредством стоимости товара. Стоимость товара скрывает в себе стоимость труда, посредством которой труд выражает свое требование в необходимости возмещения затрат своей деятельности.

Неверным было бы утверждать, что равные количества труда создают равную стоимость. Во-первых, потому, что труд не создает стоимости как таковой. Ни в качестве своего конкретного характера, ни в качестве абстрактного. Стоимость есть отношение обмена, оно не создается трудом. Труд создает блага, посредством которых он выражает свою стоимость. Во-вторых, стоимость труда находит выражение в противоположном труду измерении - в объеме потребления, необходимым для его полноправного функционирования. Поскольку различные, конкретные виды труда требуют отличных объемов потребления для осуществления своей деятельности, постольку, соответственно, нельзя считать, что равные количества труда создают равную стоимость.

То же самое можно сказать иначе. Если два процесса труда создают равные стоимости, то отсюда не следует, что физиологические затраты труда и в том и в другом случае одинаковы. Мы подошли, наконец, к нашему принципу относительности. Два отдельных процесса труда создают одинаковую стоимость лишь том смысле, что могут быть возмещены или обмениваемы на одинаковый объем потребительских благ. Лишь таким образом, т.е. *опосредствованно*, они могут представлять собою тождество друг другу.

Маркс, как бы в подтверждение своего закона стоимости, приводит следующий наглядный пример: "... Чтобы выразить голову сахара как тяжесть, мы приводим ее в весовое отношение к железу. В этом отношении железо фигурирует как тело, которое не представляет ничего, кроме тяжести... Если бы оба тела не обладали тяжестью, они не могли бы вступить в это отношение, и одно из них не могло стать выражением тяжести другого"⁸.

Мы заимствуем пример Маркса с тем, чтобы показать иное. Из курса физики известно, что указанная тяжесть не является действительным отношением головы сахара к железу. Тяжестью они являются в отношении к Земле, как к нечто противоположному им обеим. Другими словами, здесь нет непосредственного отношения равенства, а наоборот, равенство опосредствуется силой гравитации, которая составляет действительное основание равенства материальных тел. Вне этой силы их отношение друг к другу не является тождеством. *Тождеством их делает нечто другое, противоположное им обеим*. Об этом релятивном смысле тождества идет речь. Если мы рассматриваем нечто общее как тождественное в вещах, то мы должны привести некое *другое* как основание данного тождества.

Если у Вас есть два материальных тела, и ничего более, то никаким способом нельзя показать, что масса тел одинакова. Нельзя также и показать, что масса одного тела больше или меньше другого. Чтобы выяснить соотношение двух тел, Вам необходимо привлечь к эксперименту третье тело. Третье тело будет играть не формальную роль. Лишь во взаимодействии с ним, а значит, лишь по отношению к нему можно будет выявить соотношение массы двух тел.

Если два тела движутся в пространстве, то никаким способом нельзя узнать, насколько скорость одного тела больше или меньше скорости другого. Нам опять же потребуется некое третье тело, по отношению к которому мы можем определить соотношение скорости двух тел. Думается, эти и другие аналогичные факты говорят о том, что принцип относительности играет значительно более фундаментальную роль в науке, нежели формально-логическое тождество $A=A$.

Абстракция от товарного тела, которую проводит Маркс, имеет практическую значимость в том отношении, что за обменом товаров мы обнаруживаем обмен процессами в обществе. Мы, безусловно, не думаем удивить мир тем, что экономическая жизнь общества представляет собою процессы, состоящие из процессов. Однако акцент на процессуальности общественной жизни

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. С. 66.

позволяет нам представить некоторые итоговые формулировки в понятии стоимости. Первая фраза, с помощью которой мы приступаем и исходя из которой выстраиваем последующую дедукцию данного понятия, вытекает из повседневной очевидности жизненного опыта каждого, служит простым свидетельством непреложного факта. Эта фраза гласит следующее: “потребление стоит труда”.

На первый взгляд, может казаться, что данная фраза не содержит ничего, кроме очевидной банальности. Но у нее имеется двоякий смысл. Первый - прямой и непосредственный. Он состоит в том, как изначально воспринимает эту фразу любой обычный человек: домохозяйка, торговец на рынке, экономист-исследователь и т.д. Прежде чем иметь возможность потреблять блага, необходимо их произвести. Соответственно, то, чего стоят блага как обществу в целом, так и отдельным индивидуумам, есть их труд. Блага обходятся обществу затратами труда его индивидуумов. Общество не может потреблять блага, если оно их не производит. Поэтому и стоят они обществу непосредственных затрат труда.

В некотором отношении данное положение воспроизводит взгляд Маркса. Он оценивает товары количеством труда, затрачиваемого на их производство. Однако фраза “потребление стоит труда” имеет еще и другой, рефлексивный смысл. Именно к нему обращено наше внимание.

Потребление стоит труда, который дают в обмен на данное потребление. Это принципиально иное определение стоимости. Речь идет не о том труде, который был затрачен на производство потребительной стоимости. Речь идет о труде, которым покупатель расплачивается за приобретаемые им блага. Этот смысл в определении стоимости попытаемся раскрыть.

“Политическая экономия любит робинзонады”. Если бы мы жили подобно Робинзону Крузо и каждый из нас производил блага для своего собственного употребления, то тогда действительно блага бы стоили непосредственных затрат труда. Но мы посредством своего труда приобретаем блага, произведенные другими. Здесь имеет место иной характер взаимосвязи. В обществе товаропроизводителей каждый приобретает блага других посредством собственного труда. А потому и стоят они того труда, которым люди расплачиваются в момент приобретения блага. Каждый оплачивает блага других посредством своего личного труда. Нам блага других стоят нашего собственного труда. Потому личный труд каждого выступает средством оценки благ других производителей.

Ближе всех, кто, по-видимому, подошел к рефлексивному пониманию стоимости, был фран-

цузский мыслитель Деюи. “За меру полезности блага в политической экономии необходимо принимать наибольшую жертву, на которую каждый потребитель готов пойти ради его приобретения”⁹. Он, таким образом, оценивает полезность блага в форме ее противоположности. Характерно, что он высказал свою мысль задолго до того, как появился известный спор между двумя направлениями в теории субъективной полезности: “ординализмом” и “кардинализмом”. Деюи не приравнивает и не сравнивает полезность с полезностью. Он не рассматривает также полезность как абсолют вещей. Он измеряет полезность в противоположном ей самой измерении - жертве. Здесь важно уловить интонацию высказывания. Это не та жертва, которая была принесена при создании блага. Но это та жертва, которую мы как покупатели готовы принести в данный момент ради его обладания.

Когда я приобретаю благо, я расплачиваюсь за него частицами своего труда. Я оцениваю благо частью своего труда, которой готов пожертвовать в пользу данного блага. Поэтому для меня благо в действительности стоит моего труда, а не того труда, который затрачен на его производство. Меня совсем не интересует, сколько труда было потрачено на производство блага. Я - тот субъект, который оплачивает приобретаемые мною блага. И я оцениваю, чего они в действительности для меня стоят.

Но, - скажут нам, - как же так, ведь тот, кто продает благо, понес какие-то затраты. Он тем самым предъявляет спрос на покрытие понесенных им затрат. Мы, таким образом, чувствуем присутствие другой стороны отношения. Ведь тот другой, кто продает свой товар, имеет иную точку зрения относительно стоимости своего товара. Он осуществил какие-то затраты, а потому рассчитывает, по крайней мере, на возмещение своих затрат, раз продает свой товар. Этим взглядом мы становимся на позицию производителя. Мы переходим к другому определению стоимости. Оно имеет столь же лаконичную формулу: “труд стоит потребления”.

Как и первая фраза, данное предложение имеет двоякий смысл. Первый - прямой и непосредственный. Всякий труд может осуществляться лишь потребляя определенные, необходимые ему блага. Соответственно, то, чего стоит труд как обществу в целом, так и его индивидуумам в отдельности, - это потребленных трудом благ. Труд не может существовать вне потребления. Но то, что потреблено трудом, еще не есть стоимость. Того, что потреблено, нет. “Нет” в

⁹ Цит. по: Хикс Дж. Р. Стоимость и капитал. М., 1993. С. 133.

бытийном значении слова. Труд стоит тех благ, которые дают в обмен на этот труд. Второй, рефлексивный смысл фразы и есть действительная стоимость труда. Труд стоит тех благ, которые хозяин в состоянии отдать в обмен на свой труд.

Таким образом, мы имеем две отличающиеся формулировки в понятии стоимости: “труд стоит потребления” и “потребление стоит труда”. Труд продается и покупается в обмен на потребление. Потребление продается и покупается в обмен на труд. Когда я выношу товар на рынок, то фактически я продаю заключающийся в нем труд. Я продаю свой труд в обмен на необходимые мне потребительские стоимости. А потому его действительная стоимость выражается в потребительской стоимости тех благ, которые я в конечном счете приобрел благодаря своему труду. Когда я приобретаю благо, я расплачиваюсь за него количеством своего труда. Соответственно, мой собственный труд является априорной схемой оценки полезности для меня всех других благ.

Стоимость, по сути, есть рефлексивное определение стоимости, или второй смысл в указанных нами фразах. Рефлексивное определение стоимости возникает лишь тогда, когда преодолеваются рамки натурального хозяйства, когда каждый индивидуум, предоставленный самому себе, ставится в рефлексивное отношение ко всему обществу. Его труд и его потребление зависят от процессов труда и потребления в обществе. Стоимость есть условия воспроизводства в обществе как процессов труда, так и процессов потребления, поскольку те и другие в конечном счете стоят друг друга. Соответственно, стоимость одного выражается в стоимости другого, и наоборот.

Две приведенные формулировки в понятии стоимости обуславливаются наличием двух сторон отношения. Стоимость в представлении покупателя и стоимость в представлении продавца - это разные вещи. Они настолько разные, что ни одно из них нельзя редуцировать к другому. Ни одно из них нельзя дедуцировать из другого. Это настолько разные вещи, что нельзя также сказать, что одно является верным, другое - нет, неверным. Они представляют собой разные стороны одной реальности, как разные стороны одной монеты, которой расплачиваются контрагенты. Каждый видит в стоимости то, что предопределено видеть его функциональной целью в обмене. Конкуренция, которая существует в экономических теориях в отношении взглядов на природу стоимости, есть лишь отражение конкуренции в практической жизни продавцов и покупателей, а именно последние представляют

диаметрально отличающиеся взгляды на природу стоимости.

Два отличающихся воззрения на природу стоимости следует обозначить двумя разными словами. Одно обозначим обычным словом “стоимость”, другое мы будем именовать “потребительской стоимостью”. Смысл, который мы при этом вкладываем в данные понятия, несколько отличается от общепринятых доктрин. Поскольку то конечное, в чем выражаются стоимости, есть именно процессы труда и потребления, постольку, соответственно, мы выразим стоимость и потребительскую стоимость благ относительно этих процессов. Стоимость блага есть объем потребления, необходимый для воспроизводства данного блага. Потребительская стоимость блага есть объем труда, который покупатель готов пожертвовать ради обладания благом.

Стоимость и потребительская стоимость выражают разные стороны отношения обмена. Потребительская стоимость есть ценность блага для покупателя. Слово “ценность” здесь означает то же самое, что и слово “стоимость”, лишь рассматриваемая с другой стороны отношения. Она представляет собой точку зрения покупателя. Ценность вещи - это ее стоимость для покупателя, - то, насколько он готов потратиться ради ее обладания. Потому даже в языке различие точек зрения находит свое отражение в виде двух слов: “стоимость” и “ценность”.

Таким образом, есть два рефлектирующих взгляда. Товарпроизводитель, продавая свой товар, вместе с тем предъявляет спрос на потребленные им предметы. Он выражает свою стоимость в потребительской стоимости предметов, необходимых для покрытия затрат труда. Потребитель, приобретая то или иное благо, расплачивается частью своего труда. Стоимость и потребительская стоимость, таким образом, существуют лишь во взаимной рефлексии друг к другу. И рефлексия противоборствующих сторон отношения есть действительное основание обмена.

Таким образом, покупатель и продавец одинаково участвуют в формировании менового отношения товаров. Один из них анализирует потребленные им блага, которые он использовал в процессе производства. Исходя из этого, он формирует спрос на эти блага в стоимости своего товара. Другой - покупатель - исходит из объема труда, которым готов пожертвовать в пользу обладания тем или иным благом. Стоимость для одного и потребительская стоимость для другого выступают, говоря языком философии, как априори заданные условия опыта. Они априорны опыту в том смысле, что каждая из сторон, вступающая в обмен, исходит из заранее данных ей пред-

посылок обмена. Но условия обмена одновременно противоположны друг другу. Функцией покупателя является распределить количество своего труда среди приобретаемых им благ. Функция продавца - покрыть понесенные им затраты.

Труд стоит потребления, которое обменивается на данный труд. И потребление стоит труда, который обменивается в обмен на данное потребление. Если присмотреться к этим формулировкам внимательно, то они тождественны. Они тождественны в форме в противоположность их миру фактичности. Каждая сторона отношения выставляет в виде стоимости свои особые условия воспроизводства. Обмен происходит тогда, когда условия стоимости одного становятся условиями потребительной стоимости для другого, и наоборот, когда условия потребительной стоимости со стороны другого становятся условиями стоимости для первого. Тем самым, лишь когда взаимно противоречащие друг другу взгляды совпадают, появляется то, что на языке философии именуется тождеством противоположностей.

Данное тождество сторон отношения следует выделить особо. В соответствии с традициями политической экономии мы будем называть его “меновая стоимость”. Если “стоимость” и “потребительная стоимость” выражают, главным образом, рефлексию продавца и покупателя в отношении представляемых ими интересов на рынке, то меновая стоимость есть достигаемое тождество взглядов. Оно возникает лишь тогда, когда потребители продукта в конечном счете готовы платить его производителю часть своего труда, достаточную для того, чтобы производитель мог приобрести необходимые ему предметы для покрытия своих затрат. Вместе с тем производители платят потребителю в обмен на его труд объем потребления, необходимый для воспроизводства его труда. Эта длинная выдержка говорит о взаимно рефлексивном характере связи, устанавливаемой между продавцами и покупателями. Здесь, безусловно, речь не идет о том, чтобы свести меновые стоимости товаров к некому единому для всех абстрактному тождеству.

Лишь в самом обмене возникает тождество. Оно берется ни до, ни после. Тождество диктуется не условиями производства, как мы наблюдаем в схеме Маркса. Оно диктуется и не условиями градаций полезности для субъекта, как представляет себе классическая доктрина полезности. Тождество является своеобразным соглашением-договором о том, что покупатели отдают часть своего труда в пользу того, чтобы данный продукт имел возможности для воспроизводства, в обмен на то, чтобы покупатели имели условия для полноправного жизнеобеспечения процесса труда. Потому оно возникает лишь в обмене. Обмен как таковой и есть это становление тождества, процесс установления взаимного соответствия априорных условий продавца и покупателя, а в конечном счете условий производства и потребления.

То обстоятельство, что стоимость есть нечто двойственное в самом своем основании, не могло не оставить своего отпечатка на воззрениях экономистов разных эпох. Наиболее противоречивым в этом отношении явился А. Смит, которого справедливо считают родоначальником трудовой теории стоимости. Он был в числе первых, кто пришел к мысли о том, что труд есть главное мерило стоимости. Как и положено быть первопроходцу, он шел к этому, еще не различая ясно конечной цели своего путешествия. Он был первооткрывателем, потому не мог предвидеть всех подводных камней, могущих встретиться на его пути. Им двигала интуиция. Вот почему он приводит два совершенно противоположных определения стоимости, смешивая их и не делая между ними явного различия.

Д. Рикардо эксплицировал различие двух определений стоимости, но, как и предшествующие ему экономисты, был убежден, что стоимость должна быть определена однозначно, одним способом. Он находился в поисках ее “стандартной меры”, что не позволяло ему видеть другую сторону отношения. Наконец, это двоякое определение стоимости было окончательно утрачено в монизме Маркса.

Поступила в редакцию 03.10.2009 г.